

Вэй Циншань годами охотился в горах. В походах он носил с собой лишь несколько сухих лепёшек. После раздела семьи ему пришлось готовить самому. Он не был привередлив. Главное, чтобы еда была съедобной.

Линь Юй поспешно замотал головой: “Не... не в этом дело. Что мы будем есть на ужин?”

“От обеда осталось немного еды, разогреем и хватит. На кухне осмотришься, если хочешь приготовить что-то ещё”.

Линь Юй кивнул и облегчённо вздохнул.

Он достал несколько тарелок с мясом и овощами, переложил их на стол, затем взял крупную керамическую миску и положил в неё понемногу каждого блюда.

Не зная, сколько обычно ест Вэй Циншань, он на всякий случай разогрел четыре белых паровых маньтоу: одно для себя, три для Вэй Циншаня. Должно хватить.

Линь Юй ловко разжёл огонь и поставил воду кипятиться. Когда пламя в очаге разгорелось, он осторожно осмотрел кухню. Как новоиспечённый супруг, он не мог позволить себе лениться в приготовлении первого ужина, поэтому решил сварить суп.

Рядом с кухней стоял деревянный шкаф. Линь Юй открыл его и обнаружил там рис, муку, яйца, а также немного масла, соли и столовые приборы. В углу кухни он заметил маленькую корзину с дикими травами.

Он сразу придумал, что делать. Пока в котле готовился рис, он выбрал несколько пучков трав, мелко нарубил их ножом и сложил в миску. Затем сбегал к брачному ложу и собрал горсть арахиса.

Сидя у очага, он очищал орехи, а скорлупу бросал прямо в огонь. В это время Вэй Циншань, закончив прибирать двор, вошёл на кухню.

“Дай-ка я буду подбрасывать дрова”, — сказал он.

Его голос прозвучал твёрдо, почти как приказ. Линь Юй сразу вскочил и уступил место.

Вэй Циншань заметил, что его маленький супруг боится его. Ну, ничего, со временем привыкнет.

Линь Юй молча дочистил арахис, затем положил орехи на разделочную доску и мелко их порубил.

Вэй Циншань мог видеть только худую спину своего мужа.

“Что делаешь?” — внезапно спросил он.

Линь Юй вздрогнул от неожиданности: “Д-делаю фрикадельки”.

“Мм”.

Тесная кухня снова погрузилась в тишину. Линь Юй не смел делать резких движений, он тихонько работал, словно маленькая мышка.

Примерно рассчитав, что мясо и овощи в котле уже достаточно прогрелись, он вынул паровую корзину. Вода внизу всё ещё кипела, выпуская пузырьки.

Линь Юй смешал мелко нарубленные травы и арахис с мукой, добавил воды и тщательно размешал тесто. Затем, с помощью ложки, аккуратно опустил в кипяток одну за другой маленькие порции теста.

Вэй Циншань сидел рядом, молча поддерживая огонь. Однако его взгляд то и дело возвращался к Линь Юю.

Лицо у его мужа было маленьким, а сам он слишком худым. Из-за этого глаза казались особенно большими. Вэй Циншань подумал, что Линь Юя нужно хорошенько откормить.

Вэй Циншань заметил, что у Линь Юя родимое пятно беременности расположено в уголке глаза. Оно было очень светлого оттенка, так что без внимательного взгляда его можно было не заметить, но всё же оно придавало его взгляду особую красоту.

Линь Юй был занят работой и, немного расслабившись, не обратил внимания на пристальный взгляд Вэй Циншаня.

Фрикадельки, плавающие в кипятке, всплыли на поверхность. Ярко-зелёные шарики весело кувыркались в воде, выглядели очень аппетитно. Линь Юй добавил в кастрюлю немного свиного жира, чтобы вскоре разлить суп по пиалам.

Вэй Циншань чуть приподнялся, чтобы заглянуть в котёл. Хм, его маленький супруг готовит вполне умело. Выглядит неплохо.

“Разбей туда ещё два яйца”.

“А? Я... Я днём уже съел два...”

Линь Юй, конечно, знал, что суп с фрикадельками станет ещё вкуснее, если добавить в него взбитые яйца. В детстве его мать часто готовила такой. А если сверху ещё капнуть немного кунжутного масла, получится просто объедение.

Но он уже съел два яйца за день. Одно яйцо стоит пять вэнь — такая ценная вещь, он не смеет брать больше.

“Я хочу”, — голос Вэй Циншаня стал мягче, чтобы не напугать маленького мужа.

Линь Юй сразу же отозвался: “Я... я сейчас разобью”.

Щёки у него вспыхнули от смущения. Он вспомнил, что в деревянном шкафу видел целую корзину яиц. Достав два, он аккуратно добавил их в кастрюлю, когда фрикадельки почти сварились.

Вэй Циншань, глядя на его смущённую мордашку, чуть улыбнулся. Иметь такого милого маленького супруга — это просто замечательно.

Когда суп был готов, Линь Юй разлил его по двум пиалам. Он специально переложил яйца в миску Вэй Циншаня, а потом добавил туда пару капель кунжутного масла.

“Почему только мне?”

Линь Юй замер, как провинившийся ребёнок. Он не знал, что ответить. Кунжутное масло дорогое, в доме дяди им пользовался только Чжао Дачжи. А ему и мечтать не приходилось.

“Забыл, да?”

Вэй Циншань догадывался о причине и решил помочь Линь Юю выкрутиться.

Тот поспешно закивал, дрожащими руками капнув одну каплю и в свою пиалу, боясь переборщить.

Вэй Циншань потушил огонь в очаге, вымыл руки и помог перенести еду в главную комнату.

Паровая свинина, суп с фрикадельками и яйцами, четыре больших белых маньтоу — Линь Юй даже мечтать не смел о таком угощении.

Даже в праздники он не ел так хорошо. В доме Чжао Цай Чуньхуа часто заставляла его готовить паровые булочки из грубой муки, а вместо нормального обеда была жидкая каша. За столом ему доставались только соленья и дикорастущие овощи, а мясо было под запретом. В

Новый год, если повезёт, удавалось выпросить кусочек кости.

Линь Юй поставил миску с большим количеством яиц перед Вэй Циншанем, опустил голову и не смел посмотреть ему в глаза. Они оба всё ещё были в свадебных нарядах. На Вэй Циншане одежда смотрелась особенно хорошо и от этого у Линь Юя лицо слегка разгорелось.

Вэй Циншань уверенно сел напротив Линь Юя и без лишних слов поменял местами их пиалы. Затем взял свою и ушёл на кухню. Когда он вернулся, в его миске уже было добавлено немного острого соуса и ложка уксуса.

Линь Юй ошеломлённо смотрел, как Вэй Циншань отдал ему более сытный суп. В груди разлилось тёплое чувство, даже захотелось заплакать. С тех пор как умерла его мать, никто больше не заботился о нём.

“Ешь, а то остынет”, — сказал Вэй Циншань.

Линь Юй отломил половину маньтоу, он не мог съесть так много. А перед ним ещё целая большая миска супа, да и Вэй Циншаню он положил побольше.

Он осторожно откусил маленький кусочек куриного мяса, но оно оказалось острым. Щёки сразу же вспыхнули, но, чтобы не закашляться, он сдержался и поспешно запил всё несколькими глотками бульона.

“Не любишь острое?”

Линь Юй поспешно замотал головой: “Просто давно не ел”.

Точнее, он давно не ел такой насыщенной, ароматной еды. Организм уже отвык, поэтому даже сочные куски жирного мяса в его миске вызвали лёгкое отвращение. Хотелось попробовать, но желудок не принимал.

Он ел только тушёные овощи, пропитавшиеся мясным соком. Они были очень вкусными.

Вэй Циншань понимал, через что прошёл Линь Юй. Жить в доме дяди ему наверняка было нелегко. В день сватовства он уже заметил, какими жадными оказались Чжао Чжунь и Цай Чуньхуа. Да и с такой дурной репутацией, как у него, кто ещё согласился бы отдать за него своего ребёнка?

Тот, кто долго не ел мясного, не сможет сразу привыкнуть к жирной пище. В бедных деревнях больше всего ценили свинину с прослойкой жира — для местных это было самое любимое лакомство.

Вэй Циншань выбрал из миски куски постного мяса и положил их на маньтоу Линь Юя, а сам съел жирные куски.

Линь Юй, глядя на появившееся перед ним мясо, почувствовал благодарность. Он решил про себя, что отныне будет хорошо заботиться о Вэй Циншане.

"На еде в доме экономить нельзя. Если плохо питаться, не будет сил ходить на охоту, да и здоровье испортишь".

Вэй Циншань не стал прямо говорить, что Линь Юю надо есть получше. Линь Юй был робким и чувствительным, так что ладно, пусть всё идёт своим чередом.

Линь Юй кивнул запоминая.

Он съел всего полбулки, а потом маленькими глотками пил суп с фрикадельками. Вэй Циншань, обедая, незаметно взглянул на него: как это он так мало ест? И почему так изящно, прямо как котёнок.

Сам Вэй Циншань слопал три булки, шумно хлебнул суп. Хм, у маленького фулана действительно золотые руки – тесто тягучее, дикие овощи в фрикадельках с ароматными орехами, кисло-острый вкус только разжигает аппетит.

Раньше он питался в основном сухарями, а горячую еду мог поесть только вечером, когда возвращался домой. Да и готовил не так тщательно. Этот суп ему очень пришёлся по вкусу, так что он встал и налил себе ещё полную чашу.

После еды Линь Юй убрал посуду, а Вэй Циншань взял миску с куриным супом, прихватил две булки и направился в задний двор. По дороге пояснил:

"В заднем дворе две охотничьи собаки, характер у них свирепый. Потом как-нибудь тебя с ними познакомлю".

Линь Юй кивнул и, воспользовавшись прохладной водой, быстро вымыл посуду.

Закончив уборку, он вскипятил воду и с чашей горячей воды вошёл в комнату. На улице уже стемнело, в комнате горел масляный фонарь. Вэй Циншань, наклонившись, собирал с кровати арахис, лонган и прочие вещи.

"Цин... Циншань, пора мыть ноги".

Вэй Циншань на мгновение застыл. Как же он раньше не замечал, что его имя может звучать так приятно? В деревнях детям часто давали простые, грубоватые имена – Гоу Дань ("Собачье

Яйцо"), Ба Цзинь ("Восемь Цзиней"), Хэй Лянь ("Чёрное Лицо") – считалось, что так можно обмануть Яньло-вана (это китайский бог смерти и правитель ада, который судит умерших и определяет их дальнейшую судьбу) и уберечь ребёнка, чтобы он вырос здоровым.

Его имя было выбрано наспех. Если взять Вэй Эр – явный пример того, как старуха Вэй баловала младшего сына, нарочно дав ему "грубое" имя, чтобы защитить.

Вэй Циншань подумал, что если бы его звали Вэй Да, то маленький фулан вряд ли смог бы произносить его имя так ласково. К счастью, его имя было вполне обычным.

Вэй Циншань выпрямился и положил орехи в бамбуковую корзину.

"Тебе не нужно этим заниматься, я сам справлюсь. Ты сначала помойся, я ещё не успел прибрать постель".

Линь Юй с детства привык к таким делам. Когда он жил в семье Чжао, каждый вечер кипятил горячую воду и разносил её троим членам семьи, кроме Чжао Юэня.

Убедившись, что Вэй Циншань действительно не нуждается в его помощи, Линь Юй вышел умыться. Думая о том, что должно было вскоре произойти, он чувствовал беспокойство, внутри поднималась волна страха.

Вэй Циншань заметил, как его маленький фулан, сжавшись в комочек, сидел во дворе, умываясь. Тут он вспомнил, что забыл сказать ему кое-что. Достав из гостиной бамбуковый тюбик с зубной щёткой и порошком, он протянул их Линь Юю: "Это твоё. Если чего-то не хватает, завтра в городе купим".

"Спасибо..." – тихо поблагодарил Линь Юй.

Вэй Циншань выглядел грубоватым, но на самом деле был внимательным. Это немного рассеяло страх Линь Юя. Он с детства чистил зубы только ивовыми веточками, а теперь у него появилась настоящая щётка из свиной щетины.

Вэй Циншань тоже сел рядом, прополоскал рот и умылся, воспользовавшись водой, которой уже умывался Линь Юй.

Когда он вошёл в комнату, то увидел, что Линь Юй стоит босиком у постели, явно ожидая, чтобы они вместе помыли ноги.

Вэй Циншань снял обувь и сел на край кровати, опустил ноги в тёплую воду. Только после этого Линь Юй тоже осторожно сунул туда свои. От горячей воды его тело моментально согрелось.

При тусклом свете масляной лампы лицо Вэй Циншаня оставалось холодным. Маленькие, белоснежные ступни фулана, погружённые в воду, казались ослепительно яркими, словно жемчуг.

Линь Юй почувствовал неловкость, поэтому не стал долго сидеть в воде, быстро вытерся и юркнул под одеяло.

Вэй Циншань тоже быстро вытер ноги и вылил воду во двор. Когда он вернулся, то увидел у изножья кровати небрежно разбросанный свадебный наряд.

<http://bllate.org/book/15725/1407284>